

УДК 316.7-051.6

Самоорганизация молодежи как реализация ее интересов

Ушамирская Галина Федоровна

Доктор социологических наук, профессор, ректор,
Волжский институт экономики, педагогики и права,
404111, Российская Федерация, Волжский, ул. Советская, 6;
e-mail: rector@viepp.ru

Ушамирский Алексей Эдуардович

Кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета,
Волжский институт экономики, педагогики и права,
404111, Российская Федерация, Волжский, ул. Советская, 6;
e-mail: rector@viepp.ru

Аннотация

обоснована актуальность исследования проблемы самоорганизации молодежи, определяющаяся ее недостаточной изученностью, упрощенным пониманием только как процесса создания и обеспечения функционирования молодежных организаций. Предложена основанная на теоретических построениях синергетики оригинальная концепция самоорганизации молодежи, предполагающая выделение пяти уровней самоорганизации: субкультурного, институционального, уровня общественных объединений, уровня межличностных связей и уровня саморегуляции личности. Доказывается, что перспектива самоорганизации молодежи жестко связана с возможностью реализации ее базовых интересов, к числу которых относятся социализация, как процесс усвоения ценностей и норм, идентификация, как соотнесение и отождествление с социальными образцами, и стремление к достижению жизненного успеха. Сделаны выводы о том, что на субкультурном уровне в силу фантомного характера ряда молодежных ценностей самоорганизация все чаще выражается в конструировании локальных «миров», находящихся в конфронтации с референтным окружением; на институциональном – нередко воплощается в девиантных технологиях взаимодействия с социальными институтами; на уровне общественных объединений – концентрируется в сетевых сообществах; на уровне межличностных отношений выражается преимущественно в поддержании семейно-родственных связей. Обосновано, что в настоящее время сложнее всего решается проблема самоорганизации на уровне саморегуляции личности, что обусловлено очевидным дефицитом саморефлексии и отсутствием навыков применения технологий саморазвития личности.

Для цитирования в научных исследованиях

Ушамирская Г.Ф., Ушамирский А.Э. Самоорганизация молодежи как реализация ее интересов // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 312-323.

Ключевые слова

Самоорганизация молодежи, социализация, идентификация, жизненный успех, интересы молодежи, субкультура.

Введение

К числу распространенных стереотипов восприятия молодежи в элитарном и массовом сознании относится представление о необходимости и целесообразности ее самоорганизации. Поэтому не удивительно, что проблема самоорганизации молодежи рассматривается в ряде исследований. В частности, в работах В.П. Бабинцева и Е.В. Реутова [Бабинцев, Реутов, 2010, 109-115], Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова [Зубок, 2009, 78-88], [Зубок, Чупров, 2008] В.М. Литвинович [Литвинович, 2008, 361-382], Т.И. Морозовой [Морозова, 2012, 2013]. Однако, несмотря на довольно обширный перечень работ, посвященных данной тематике, остаются до настоящего времени нерешенными ряд проблем теоретического и практического характера.

Во-первых, до конца не прояснено содержание процесса самоорганизации молодежи в современных условиях. Не преодолена инерция трактовки самоорганизации как феномена, в той или иной мере воспроизводящего практики советского комсомола, хотя и в новых условиях. В частности, Т.И. Морозова обоснованно пишет, что на практике «самоорганизация молодых людей нередко по-прежнему рассматривается как чисто формальный процесс ее объединения и «добровольно-принудительного» включения в решение общественных проблем. При этом преобладает их «взрослое» прочтение, довольно часто не совпадающее с оценками самой молодежи» [Морозова, 2012, 5].

Во-вторых, самоорганизацию нередко сводят лишь к созданию молодежных объединений. В определенной степени этот подход проявился в работе В.П. Бабинцева и Е.В. Реутова. По меньшей мере, так вполне может быть интерпретировано следующее заключение по итогам проведенного ими исследования: «Самоорганизация, формирование молодежных организаций, движений не рассматриваются молодыми респондентами как эффективный способ защиты прав, реализации интересов» [Бабинцев, Реутов, 2010, 114]. Между тем, довольно очевидно, что самоорганизацию не следует ограничивать лишь функционированием молодежных организаций, даже если имеется в виду и их так называемая «неформальная» разновидность.

В-третьих, крайне сложной проблемой является проблема самоорганизации, осуществляемой молодыми людьми на асоциальной основе. Зачастую она оказывается не менее, а даже более эффективной, чем попытка упорядочить отношения в молодежной среде, фундируемая социетальными ценностями и нормами. Последствия асоциальной самоорганизации, как показывает, в частности, опыт создания в социальных сетях так называемых «групп смерти» исключительно деструктивны для общества и отдельных молодых людей. Следовательно, далеко не все формы самоорганизации должны приветствоваться и поддерживаться. Однако в научных исследованиях и на практике нередко отсутствует четкое разграничение между ее приемлемыми и неприемлемыми формами, во многом связанное с отсутствием строгих критериев.

В-четвертых, очевидно, что эффективная самоорганизация молодежи возможна лишь в том случае, если ее субъекты руководствуются собственными интересами, а не ориентируются на симулякры, предложенные внешними манипуляторами. Но в большинстве работ, посвященных проблеме самоорганизации молодежи, отсутствует анализ взаимосвязи интересов молодежи и

ее самоорганизационного потенциала. В данной статье предпринимается попытка восполнить этот пробел.

Методология исследования

В качестве методологической основы проведенного исследования выступает несколько положений.

Во-первых, положение синергетики о том, что нелинейные системы в природе и обществе под влиянием изменений внешней среды вырабатывают собственные траектории поведения и в результате внутренне трансформируются [Varela, 1984, 21-32]. Происходит их структурирование и упорядочивание, обеспечивающее устойчивость и перспективу в нестабильном мире. Это процесс и определяют как самоорганизацию, то есть «спонтанное образование высокоупорядоченных структур из зародышей или даже из хаоса» [Антипьев, 2015, 23-24].

Ю.А. Зубок и В.И. Чупров подчеркивают, что «социальная самоорганизация состоит в упорядочении спонтанных процессов внутриколлективного взаимодействия путем их саморегулирования. Наиболее распространенными формами самоорганизации являются лидерство, образование неформальных групп, участие в выработке и принятии решений и др.» [Зубок, Чупров, 2008, 37]. С учетом данного обстоятельства самоорганизацию молодежи следует понимать как саморегулируемый процесс упорядочивания всей совокупности внутренних и внешних связей в молодежной среде. Вполне очевидно, что разнообразие и многоуровневый характер этих связей не позволяют сводить самоорганизацию лишь к одному из ее проявлений. В частности, к деятельности молодежных объединений.

Во-вторых, идея о том, что главным фактором, детерминирующим социальную самоорганизацию, является групповой интерес. Согласно Б. Юдину, «необходимым условием самоорганизации в группе является наличие общих областей интересов у ее членов» [Юдин, 1969, 199]. Групповой интерес в данном контексте предстает в качестве цель – программы «поведения системы в состоянии гомеостаза» [Буданов, 2007, 190]. В силу данного обстоятельства проблема самоорганизации молодежи, в конечном итоге, сводится к задаче согласования интересов молодых людей, достижению баланса между ними. Однако для этого важно ясно понимать, в чем заключаются интересы субъектов.

Авторские концептуальные подходы

Концепция исследования заключается в следующих положениях. Во-первых, в трактовке самоорганизации молодежи как частного случая социальной самоорганизации. Это реализуемый посредством саморегуляции и внешней регуляции процесс упорядочивания внутренних и внешних взаимодействий в молодежной среде, связанный принятием уже существовавших или формирования новых институций. При этом институции мы рассматриваем в соответствии с концепцией Д. Норта, как «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» [Норт, 1997, 17]. Самоорганизация молодежи представляет собой нелинейный и внутренне противоречивый процесс, детерминированный как субъективными, так и объективными условиями, и поэтому являющийся для молодежи, если не необходимым, то, как минимум, естественным. Напротив, противоестественной является

стихийная (или искусственная) «атомизация» молодых людей, выступающая в качестве одного из негативных следствий социальной дизъюнкции.

Во-вторых, самоорганизация молодежи носит многоуровневый характер. В свое время Т.И. Морозова, выделяя четыре уровня самоорганизации молодежи, писала: «Во-первых, она представляет собой формирование системы связей между молодежью и различными социальными институтами. В условиях России, в первую очередь – между молодежью и государством. Во-вторых, самоорганизация выражается в структурировании межличностных отношений между молодыми людьми, которые в трансформирующемся российском обществе носят по преимуществу неформальный характер. В-третьих, в качестве отдельного направления самоорганизации целесообразно выделить процессы формирования молодежных объединений формального и неформального типов... Наконец, в-четвертых, самоорганизация проявляется как саморегулирование личности конкретного молодого человека, упорядочивание его диспозиции, определение жизненной стратегии. Последнее направление, возможно, является наиболее важным, поскольку именно на диспозиционном уровне формируются основные интенции личности, проявляющиеся впоследствии в ее конкретных действиях» [Морозова, 2013, 4-5].

Мы полагаем, что предложенная концепция нуждается в некотором уточнении, связанном с необходимостью выделить в качестве самостоятельного субкультурный уровень самоорганизации молодежи, учитывая, что молодежь в современном мире реализует себя посредством создания специфических субкультур, «каждая из которых представляет собой особый мир, в онтологических глубинах которого, включающих телесные, этнические, семейные, субкультурные и социальные основы жизнедеятельности человека, формировались как бессознательные архетипы (объективно-мыслительные, идеальные формы культуры и сознания), так и последующие – реальные или фантастические – рационализации в формах этнической ментальности и социальной идеологии, общественного сознания (прежде всего, мифологического и религиозного) и самосознания, формируется идентичность личности» [Римская, 2011, 45].

С учетом данной корректировки мы считаем возможным выделить в процессе самоорганизации молодежи пять уровней. Первый – субкультурный, на котором потребности и интересы молодых людей закрепляются в виде групповых ценностей и норм, а затем – воплощаются в поведенческих стандартах и стилях поведения. Второй уровень – институциональный, заключающийся в упорядочивании взаимодействия молодежи и действующих в стране социальных институтов. Третий - уровень общественных объединений. На этом уровне формируются организации, функции которых заключаются в артикуляции и агрегации специфических интересов различных групп молодежи. Четвертый – уровень межличностных связей; пятый – уровень саморегуляции личности – упорядочения ее внутренних структур.

В-третьих, самоорганизация на каждом из этих уровней осуществляется в том случае, если соответствует интересам молодежи и превращается в свою противоположность при отсутствии консолидирующих интересов. Специфика интересов определяет и интенцию самоорганизационного творчества на каждом из этих уровней. Рассматривая проблему интересов молодежи как стимулов ее самоорганизации, мы принимаем во внимание несколько обстоятельств:

– среди интересов молодежи целесообразно выделять базовые и производные. Первые связаны с фундаментальными потребностями молодых людей, обусловленными их статусом в

обществе, достаточно стабильны и, даже если не осознаются частью субъектов, объективно побуждают их к действиям; вторые неустойчивы, субъективно окрашены и зачастую детерминированы либо специфической жизненной ситуацией, либо задаются извне, нередко посредством манипулятивных практик;

– интересы молодежи могут как укладываться в существующие социальные нормы, так и не совпадать с ними. Во втором случае имеет место девиация, которая может носить и негативный (что принимается во внимание наиболее часто), позитивный характер. Поскольку молодежь по своей природе девиантна, позитивная девиация является потенциальным источником самоорганизационных процессов, представляющих собой вид социального творчества. Но негативная девиация выступает источником социальной деструкции. Проблема заключается в том, что на практике зачастую бывает трудно провести границу между позитивным и негативным интересом и репрезентирующим его самоорганизационным процессом;

– к числу базовых интересов молодежи, стимулирующих самоорганизацию, мы считаем возможным отнести социализацию, как процесс усвоения ценностей и норм, идентификацию, как процесс соотнесения и отождествления с социальными образцами (в их роли могут выступать группы, институты, личности); достижение жизненного успеха, представляющего собой сформированное в сознании человека представление о соответствии своего статуса собственным интересам и ценностям, сочетающегося с убежденностью, что оно подтверждается значимыми для личности референтами.

Полученные результаты

Мы предприняли попытку рассмотреть особенности реализации базовых интересов молодежи на каждом уровне самоорганизации, опираясь на данные социологических исследований, осуществленных в российских регионах: «Проблемы участия молодежи в региональных социальных конфликтах» (2014 год), проведенное в Белгородской и Волгоградской областях методом анкетного опроса населения ($n = 1500$) и работников органов государственного и муниципального управления, СМИ, руководителей общественных организаций, депутатов различных уровней ($n = 500$) и «Интересы современной молодежи», проведенное методом анкетирования в Волгоградской области ($n = 501$) и глубинного интервью молодых людей ($n = 30$), а также работников органов государственной власти ($n = 25$) в 2016 году.

Социализация. Исследования показали, что самоорганизационный потенциал социализации на субкультурном уровне определяется представлением молодежи о степени совпадения ее ценностей и ценностей всего общества (это представление может быть ошибочным, но оно в значительной степени формирует готовность или неготовность молодых людей принять действующие в социуме нормы поведения). На институциональном уровне, а также на уровне общественных объединений и межличностных отношений он детерминирован характером восприятия уровня комплементарности референтов молодежной среде; на уровне саморегуляции – спецификой целей молодых людей.

Исследование «Интересы современной молодежи» показало, что молодежь усматривает значительные расхождения между собственным восприятием ряда ценностей и отношением к ним в обществе в целом. Это следует из различий в оценках респондентами (в баллах от 1 до 10) значимости различных ценностей для самой молодежи и для общества в целом.

Наиболее заметные несовпадения при такой постановке вопроса были выявлены в отношении ценностей, определяющих:

– межличностные отношения: к ним мы отнесли доверие к людям и благожелательность, готовность помочь другим. Расхождения в оценках респондентами их значимости для молодежи и общества в целом в первом случае составили 1.72 балла, во втором – 1.71;

– индивидуальную жизненную позицию. К ним отнесли самостоятельность и инициативу (расхождения в 1.17);

– установку на стабильность. Включали традицию, сохранение привычного образа жизни (расхождения в 1.88 балла);

– установку на конформизм. К ним отнесли: причастность к коллективу, подчинение общим нормам (расхождение в 1.42 балла).

Во всех этих случаях респонденты полагали, что эти ценности более значимы для молодежи, чем для общества в целом.

Молодые люди определили, что нет значительной разницы между их восприятием и восприятием прагматических ценностей: богатства (разница в оценках его значимости для молодежи и общества в целом составляет 0.27); личного успеха (0.28); жизни в свое удовольствие (0.13). Некоторые ценности, по мнению молодых людей, более значимы для них, чем для общества, но различия между ними находятся в пределах 1 балла или около этого. Эти ценности можно определить как самосохранительные: безопасность (разница 1.03 балла); стремление к переменам (0.98). Существует ценность, которая, по мнению молодежи, значительно благоприятнее принимается обществом, чем самой молодежью; эта ценность – власть (разница 1.68 балла).

Для характеристики специфики социализации на институциональном уровне, а также на уровне общественных объединений и межличностных отношений существенно то, что лишь меньшинство респондентов воспринимает этих контрагентов как субъектов общественных отношений, на которых можно положиться в трудной жизненной ситуации. В отношении органов власти так считают лишь 9.58%, общественных организаций – 5.79%, соседей – 13.77. Фактически, тем самым подтверждается наличие в молодежной среде высокого уровня социального недоверия, которое продуцируется всей социальной системой. Д.Б. Беспарточный обоснованно заключает: «Изучение российского социума в современных исторических условиях показывает, что в нем возрастает спрос на социальное доверие, формируется общественная потребность в добросовестном сотрудничестве, установлении взаимности и прочности партнерских обязательств. К сожалению, реалии современного российского общества далеки даже от минимальных параметров достойной человеческой жизни. Социальные, политические, экономические противоречия инициируют различные формы человеческого недоверия» [Беспарточный, 2012, 3].

Некоторое исключение составляют лишь родственники, на помощь которых рассчитывают 24.55% респондентов. Полученные данные, фактически, подтверждают результаты, полученные другими авторами. Так Т.А. Гужавина пишет: «В молодежной среде превалирует доверие ближнему кругу, к членам семьи, к родственникам и друзьям. Однако можно проследить некоторые внутригрупповые различия и определенную зависимость выбора альтернативы от возрастной позиции. От максимализма ранней юности, когда «можно доверять большинству и всем без исключения» (13%) молодые люди приходят к более взвешенной и зрелой позиции «большинству знакомых людей можно доверять» (22%)» [Гужавина, 2017, 130].

Как показывает исследование «Проблемы участия молодежи в региональных социальных конфликтах», тремя главными целями молодежи являются семейное счастье (57.47% респондентов), карьера (41.20%) и богатство, которое вполне можно трактовать как

материальное благополучие (34.60%). Самое примечательное в данном случае то, что на практике эти цели крайне трудно совместить. И данная трудность не может не создавать проблемы для упорядочения внутриличностных структур молодого человека.

Идентификация. На субкультурном уровне идентификация выражается в соотношении молодежи себя с теми или иными культурными традициями. На институциональном уровне и на уровне общественных объединений – с добровольной включенностью в деятельность институтов и организаций, на уровне межличностных отношений, как и на уровне саморегуляции, с выбором объекта для подражания и адекватного своему идеалу стиля повседневного поведения.

Исследование «Интересы современной молодежи» выявило, что менее половины молодых людей (47.50%) относят себя к представителям российской культуры. Относительно доли респондентов, идентифицирующих себя с мировой (15.77%), европейской (12.57%) и евразийской (10.78%) культурой. Гражданами России ощущают себя лишь 28.14% молодых людей, жителями города или района 18.96%; представителями региона – 13.17%; своего народа – 8.78%. В то же время – гражданами мира (космополитами) – 17.56%; европейцами – 9.98%. В данной связи приходится констатировать, что в молодежной среде мы наблюдаем отчетливо выраженную тенденцию к отчуждению от отечественных культурных традиций, дополняющуюся своеобразной локализацией идентификационной матрицы. В результате снижается возможность достижения субкультурного единства на макроуровне, которая пока еще слабо компенсируется самоорганизацией на уровне местных сообществ.

62.48% молодых людей имеют образец для подражания. Чаще всего это бизнесмены – 15.16%; политики – 8.98%; родственники – 8.58%; соседи – 8.18%. Однако образ жизни ни одной статусной группы не служит образцом для большинства молодежи. Наиболее значимые показатели в данном случае не превышают показателя 13%. 12.28% участников опроса ориентируются на представителей шоу-бизнеса; 11.18% на ученых. Довольно ярко выраженная дифференциация объектов идентификации, на наш взгляд, косвенно свидетельствует о кризисе институциональных механизмов самоорганизации.

Весьма примечательно, что молодые люди существенно разделились в определении ведущего принципа организации собственной жизни. 24.55% считают таковым способность не обращать внимания на обстоятельства, идти своей дорогой; 21.36% умение договариваться с людьми, даже если не принимаешь их позиции; 18.56% готовность уважать принятые в обществе нормы и ценности и ни в коем случае их не нарушать; 15.97% способность всегда отстаивать свою позицию, даже если это ведет к конфликтам; 14.17% умение приспособиться к любым условиям и использовать их в своих интересах. Существенные разночтения в данном случае определяются явно выраженным дефицитом саморефлексии, вследствие которого молодые люди, как правило, оказываются неспособными критически оценить собственный жизненный опыт. По мнению Т.И. Морозовой, этот дефицит «не позволяет значительной части молодых людей подняться до уровня осознания необходимости самоорганизации и саморегулирования, превращения существующих формальных и неформальных объединений и отдельных личностей в аутопоэтические системы, то есть саморегулирующиеся и самовоспроизводящиеся системы, в значительной степени независимые от внешнего воздействия» [Морозова, 2013, 284].

Достижение жизненного успеха. На субкультурном уровне самоорганизационный потенциал, определяющийся стремлением к достижению жизненного успеха связан с двумя обстоятельствами: во-первых, с определением содержания жизненного успеха; во-вторых, с

соотнесением задачи его достижения с социальными нормами. На институциональном уровне и уровне общественных объединений – с пониманием, какие из этих формирований могут способствовать реализации интересов молодежи. На уровне межличностных отношений – с формированием социального капитала, представляющего собой, согласно П. Бурдьё, комплекс реальных или потенциальных ресурсов, обусловленных обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе [Бурдьё, 2002, 60-74]. На уровне саморегуляции – с определением наиболее эффективных способов достижения успеха.

Исследование «Интересы современной молодежи» показывает, что чаще всего молодые люди связывают жизненный успех с семейным счастьем (23.53%) и богатством (21.96%). Для 14.97% это свобода, для 8.58% власть, для 8.18% возможность реализовать свой талант и способности. Примечательно, что лишь 0.60% считают показателем успеха служение обществу. 43.71% респондентов условием достижения жизненного успеха считают знания; 35.33% общую культуру и ум; 7.58% нестандартность мышления. Заметная часть молодых людей убеждена: успех должен рассматриваться не как проявление в отношении их социального спонсорства и благотворительности, но личных усилий. 22.75% связывают успех с целеустремленностью; 26.95% с общественной активностью; 3.59% с силой воли.

Вместе с тем среди молодежи сохраняются убеждения, что успех могут обеспечить положение родителей (24.75%); связи и знакомства (18.96%); готовность подчиняться требованиям окружения (16.77%). Довольно значительна (14.97%) доля тех, кто обуславливает успех – получением свидетельства об образовании или о занимаемой должности (диплома, «корочки»). В этих представлениях, по нашему мнению, довольно адекватно отражаются характерные для нашего общества деформации общественной морали, которые легко усваиваются молодежью. И именно эти превращенные формы сознания стимулируют девиантные формы самоорганизации, вновь замыкающиеся на проблему недостатка у молодых людей рефлексии и саморефлексии, что делает их малоспособными к всесторонней оценке собственного жизненного опыта и поведения контрагентов.

Анализ изложенных результатов

Полученные результаты позволяют, на наш взгляд, сделать ряд выводов. Во-первых, в процессе развития современной молодежи формируются довольно значимые (преимущественно внешние) предпосылки для специфического субкультурного творчества. Они связаны с тем, что многие молодые люди заявляют о неудовлетворенности обществом, в котором живут (67.87%). При этом 42.92% главным основанием для этого называют постоянную ложь и обман, отрицая одну из наиболее существенных парадигм современной российской культуры. В противовес ситуации молодые люди полагают (далеко не всегда обоснованно), что именно они являются носителями иных установок, ориентированных на доверие к людям, благожелательность в отношении друг к другу, взаимопомощи. Эти ценности, культивируемые в первую очередь в семье и родственном окружении, могли бы стать основой для формирования молодежной субкультуры (и эпизодически становятся ею), но в реальной жизни они приходят в противоречие с довольно ярко выраженной установкой на материальное благополучие (богатство) и, фактически, нивелируются на уровне массового сознания. В результате «благие порывы» приобретают фантомный характер. Более того, ощущение неспособности (личной) и невозможности (детерминированной внешними обстоятельствами) реализовать благородные иллюзии сублимируется посредством конструирования локальных

субкультурных стандартов поведения, многие из которых аккумулируют агрессию по отношению к социуму. Именно они становятся социализирующей средой для значительной части молодых людей и одновременно – источником формирования социального капитала, необходимого для жизненного успеха.

Во-вторых, значительная часть современной молодежи не способна выстроить конструктивные отношения с большинством социальных институтов. Частично это связано с позицией последних в отношении молодежи, характеризующейся упрощенной трактовкой молодежных проблем, злоупотреблением администрированием (в первую очередь это относится к органам государственного и муниципального управления), стремлением использовать молодежь для достижения корпоративных целей. Но в сложившейся ситуации есть «вина» и самой молодежи, изначально лишаящей социальные институты «кредита доверия» и допускающей использование во взаимодействии с ними сомнительных с точки зрения закона и морали технологий. Можно согласиться с утверждением М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги, что «большинство молодых (55%) вынуждены признать, что их успех в жизни во многом зависит от умения вовремя закрыть глаза на собственные принципы и согласиться с тезисом, что «современный мир жесток, и чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать моральные принципы и нормы» [Горшков, Шереги, 125]. Для большинства молодых людей это вполне приемлемые способы достижения жизненного успеха, а возникающие в процессе их использования правила поведения становятся социализационными (в действительности, асоциальными) нормами.

В-третьих, значительная часть молодых людей не испытывает потребности участвовать в работе собственных общественных объединений, равно как и создавать их. Исключение составляют группы в социальных сетях. Эти группы формируют собственную субкультурную среду, нормы и стили поведения и превращаются в наиболее значимый объект идентификации молодых людей.

В-четвертых, на межличностном уровне самоорганизация молодых людей все более редуцируется до практики поддержания устойчивых связей в семейно-родственном окружении. Здесь чаще всего складываются отношения доверия и взаимной поддержки, сохраняется установка на идентификацию с «ближним кругом» контрагентов. Однако развитию микропрактик самоорганизации существенно препятствуют два обстоятельства. Первое связано с тем, что семейно-родственное окружение все реже может предлагать молодым людям систему устойчивых поведенческих норм, которые, отличаясь от принятых в обществе потребления правил, обеспечивали бы личности безопасность и возможности саморазвития. Второе – с тем, что ресурсы семейно-родственного окружения в большинстве случаев ограничены и не могут гарантировать жизненного успеха.

В-пятых, наиболее сложно решается проблема самоорганизации на личностном уровне, что связано с присущим большинству молодых людей дефицитом саморефлексии.

Заключение

Проведенный анализ дает основание утверждать, что самоорганизацию молодежи недопустимо трактовать с использованием упрощенных теоретических обобщений, рассматривая лишь в позитивном ключе и – тем более – оценивая с позиции абстрактно сформулированных «интересов общества». Любой самоорганизационный процесс будет успешным лишь при его адекватности базовым интересам молодежи, которые следует не только учитывать, но исследовать, а, при необходимости, корректировать с участием самого молодого поколения. Осторожное и профессиональное отношение к данной проблеме будет

способствовать минимизации социальных девиаций и позволит упорядочить взаимодействие молодых людей как в своей среде, так и с многочисленными контрагентами.

Библиография

1. Антипов К.А. Социальный потенциал самоорганизации местных сообществ // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2015. № 2. С. 23-24.
2. Бабинцев В.П., Реутов Е.В. Самоорганизация и «атомизация» молодежи как актуальные формы социокультурной рефлексии // Социологические исследования. 2010. №1. С. 109-115.
3. Беспарточный Д.Б. Доверие в системе социальных отношений населения региона: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2012. 27 с.
4. Буданов В.Г. Синергетическая методология в постнеклассической науке и образовании // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 174-210.
5. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60-74.
6. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010. 592 с.
7. Гужавина Т.А. Социальный капитал региональной молодежи // Материалы VII международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях». М., 2017. С. 129-133.
8. Зубок Ю.А. Самоорганизация в проявлениях молодежного экстремизма // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 78-88.
9. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные аспекты исследования молодежи. М.: Academia, 2008. 272 с.
10. Литвинович В.М. Современная молодежь: проблема самоорганизации // Беларусь и Россия: социальная сфера и социокультурная динамика. Минск, 2008. С. 361-382.
11. Морозова Т.И. Регулирование процессов самоорганизации молодежи в социокультурном пространстве региона: дис. ... докт. социол. наук. Белгород, 2013. 459 с.
12. Морозова Т.И. Регулирование процессов самоорганизации молодежи в социокультурном пространстве региона. Белгород, 2012. 360 с.
13. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 180 с.
14. Римская О.Н. Феноменология субкультурных религий: дис. ... канд. филос. наук. Тула, 2011. 172 с.
15. Юдин Б.Г. Процессы самоорганизации в малых группах. Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1969. 204 с.
16. Varela F. Two principles of self-organization // Self-organization and management of social systems: insights, promises, doubts, and questions. Berlin, 1984. P. 25-32.

Self-organization of youth as a realization of its interests

Galina F. Ushamirskaya

Doctor of Sociology, Professor, Rector,
Volzhsky Institute of Economics, Pedagogy and Law,
404111, 6, Sovetskaya st., Volzhsky, Russian Federation;
e-mail: rector@viepp.ru

Aleksei E. Ushamirskii

PhD in Law, Associate Professor,
Dean of the Faculty of Law,
Volzhsky Institute of Economics, Pedagogy and Law,
404111, 6, Sovetskaya st., Volzhsky, Russian Federation;
e-mail: rector@viepp.ru

Abstract

The urgency of researching the problem of youth's self-organization, determined by its insufficient knowledge, simplified understanding only as a process of creating and maintaining the functioning of youth organizations, is substantiated. The original concept of self-organization of young people based on theoretical constructions of synergetics is proposed. It presupposes the allocation of five levels of self-organization: subcultural, institutional, the level of public associations, the level of interpersonal relations and the level of self-regulation of the individual. It is proved that the prospect of youth self-organization is tightly linked to the possibility of realizing its basic interests, including socialization, as the process of assimilation of values and norms, identification, as correlation and identification with social models and the desire to achieve the success in life. Conclusions are drawn that self-organization is increasingly expressed in the construction of local "worlds" in confrontation with the reference environment at the subcultural level, due to the phantom nature of a number of youth values; it is often embodied in deviant technologies of interaction with social institutions at the institutional level; it is concentrated in networked communities at the level of public associations; it is expressed mainly in the maintenance of family relationship at the level of interpersonal relations. It is substantiated that the problem of self-organization is most difficult to solve at the level of the self-regulation of the individual. It is caused by an obvious deficit of self-reflection and lack of skills in the use of technologies for self-development of the individual.

For citation

Ushamirskaya G.F., Ushamirskii A.E. (2018) Samoorganizatsiya molodezhi kak realizatsiya ee interesov [Self-organization of youth as a realization of its interests]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 312-323.

Keywords

Self-organization of youth, socialization, identification, success in life, interests of young people, subculture.

References

1. Antip'ev K.A. (2015) Sotsial'nyi potentsial samoorganizatsii mestnykh soobshchestv [Social potential of self-organization of local communities]. *Vestnik PNIPU. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [Bulletin of PNRPU. Socio-economic sciences], 2, pp. 23-24.
2. Babintsev V.P., Reutov E.V. (2010) Samoorganizatsiya i «atomizatsiya» molodezhi kak aktual'nye formy sotsiokul'turnoi refleksii [Self-organization and "atomization" of youth as actual forms of sociocultural reflection]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 1, pp. 109-115.
3. Bespartochnyi D.B. (2012) *Doverie v sisteme sotsial'nykh otnoshenii naseleniya regiona. Doct. Dis.* [Confidence in the system of social relations of the population of the region. Doct. Dis.]. Moscow.
4. Bourdieu P. (2002) Formy kapitala [Forms of capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology], 3, 5, pp. 60-74.
5. Budanov V.G. (2007) Sinergeticheskaya metodologiya v postneklassicheskoi nauke i obrazovanii [Synergetic methodology in postnonclassical science and education]. In: *Sinergeticheskaya paradigma. Sinergetika obrazovaniya* [Synergetic paradigm. Synergy of education]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ.
6. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. (2010) *Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret* [Youth of Russia: a sociological portrait]. Moscow.
7. Guzhavina T.A. (2017) Sotsial'nyi kapital regional'noi molodezhi [Social Capital of Regional Youth]. In: *Materialy VII mezhdunarodnoi sotsiologicheskoi Grushinskoi konferentsii «Navstrechu budushchemu. Prognozirovaniye v sotsio-logicheskikh issledovaniyakh»* [Proceedings of the VII International Sociological Grushinsky Conference "Towards the Future. Prediction in sociological research"]. Moscow.

8. Litvinovich V.M. (2008) *Sovremennaya molodezh': problema samoorganizatsii* [Modern youth: the problem of self-organization]. In: *Belarus' i Rossiya: sotsial'naya sfera i sotsiokul'turnaya dinamika* [Belarus and Russia: social sphere and sociocultural dynamics]. Minsk.
9. Morozova T.I. (2013) *Regulirovanie protsessov samoorganizatsii molodezhi v sotsiokul'turnom prostranstve regiona. Doct. Dis.* [Regulation of the processes of self-organization of young people in the socio-cultural space of the region. Doct. Dis.]. Belgorod.
10. Morozova T.I. (2012) *Regulirovanie protsessov samoorganizatsii molodezhi v sotsiokul'turnom prostranstve regiona* [Regulation of self-organization processes of youth in the socio-cultural space of the region]. Belgorod.
11. Nort D. (1997) *Instituty, institutional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, institutional change and the functioning of the economy]. Moscow: Nachala Publ.
12. Rimskaya O.N. (2011) *Fenomenologiya subkul'turnykh religii. Doct. Dis.* [Phenomenology of Subcultural Religions. Doct. Dis.]. Tula.
13. Varela F. (1984) Two principles of self-organization. In: *Self-organization and management of social systems: insights, promises, doubts, and questions*. Berlin.
14. Yudin B.G. (1969) *Protsessy samoorganizatsii v malykh gruppakh. Sistemnye issledovaniya. Ezhegodnik* [Self-organization processes in small groups. System research. Yearbook]. Moscow: Nauka Publ.
15. Zubok Yu.A. (2009) Samoorganizatsiya v proyavleniyakh molodezhnogo ekstremizma [Self-organization in manifestations of youth extremism]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 1, pp. 78-88.
16. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. (2008) *Sotsial'naya regulyatsiya v usloviyakh neopredelennosti. Teoreticheskie i prikladnye aspekty issledovaniya molodezhi* [Social regulation in the face of uncertainty. Theoretical and applied aspects of youth research]. Moscow: Academia Publ.